

В кабинете вице-мэра Сюй лицо вице-мэра Сюя покраснело от гнева. Красивая секретарша прикрывала лицо рукой, на которой отчетливо красовался след от пощечины, но она не смела издать ни звука, лишь обиженно хлопала покрасневшими глазами. Вице-мэр Сюй со злостью швырнул чашку на пол — осколки стекла и брызги воды разлетелись во все стороны.

— Черт побери! С каких это пор семья Чжан прислонилась к этому старому хрычу?! Похоже, отомстить за нашего Сюй Ханя теперь не получится!

Он гневно плюхнулся в кресло. Красивая секретарша тут же подбежала к нему, принявшись ластиться и умолять вице-мэра успокоиться. Вице-мэр Сюй с крайне недовольным видом велел секретарю принести стакан воды, а сам остался сидеть за столом, сгорая от внутреннего раздражения.

В этот момент в дверь постучали, и внутрь вошел мужчина средних лет. Заметив угрюмое лицо вице-мэра, он усмехнулся:

— Ого, вице-мэр Сюй, что за напасти так сильно омрачили ваше лицо? Не расскажете ли мне?

Вице-мэр Сюй, увидев гостя, опешил:

— Оказывается, это секретарь Ван! Какими судьбами в моем скромном кабинете?

Этим человеком оказался Ван Ли из города С., действующий секретарь провинциального комитета партии. Он пользовался прекрасной репутацией в городе С. и за время своего пребывания на посту совершил немало великих дел. Разумеется, он не раз помышлял о том, чтобы вырасти эту огромную злокачественную опухоль, однако силы, стоявшие за вице-мэром Сюем, были настолько влиятельны, что он просто не мог подступить к нему. Из-за этого он даже чуть не лишился своей должности. На самом деле он боялся не столько потерять пост: в прошлом, когда он служил начальником уездного бюро по борьбе с коррупцией, его трудовые успехи были поистине выдающимися. Однако, перебравшись в город для борьбы с коррупцией, он оскорбил крупного чиновника и был разжалован обратно в уезд. Лишь позже тот высокопоставленный чиновник в конце концов попался под следствие, его дела всплыли наружу, и лишь благодаря этому он постепенно дослужился до своего нынешнего положения. Вице-мэр Сюй, прекрасно зная его нрав и понимая, что влияние Вана слишком велико, чтобы его сокрушить, мог лишь тянуть время, препираясь с ним на посту вице-мэра. Он никак не ожидал, что тот сегодня вновь нанесет ему визит.

Секретарь Ван развязно уселся напротив него и с улыбкой произнес:

— У меня, старого служаки, без нужды дела не появляются. Вице-мэр Сюй, не буду ходить вокруг да около: я пришел просить вас сложить полномочия и вернуться домой. Интересно, согласны ли вы?

Услышав это, вице-мэр Сюй остолбенел, а затем разразился хохотом:

— Ха-ха! Секретарь Ван шутить изволит! Разумеется, я не то чтобы не хочу уйти в отставку, но ведь мое начальство умоляет меня остаться. Неужели секретарь Ван забыл об этом?

Скрытый смысл этих слов секретарь Ван, разумеется, прекрасно понимал. Вице-мэр намекал на то, что в городе нет никого, кто посмел бы выступить против стоящего за ним могущественного клана.

Секретарь Ван улыбнулся и спросил:

— Скажите-ка, не пострадал ли ваш сын пару дней назад от рук некоего человека?

Лицо вице-мэра Сюя при этих словах помрачнело до предела:

— И что? Какое твое собачье дело?!

Секретарь Ван даже не рассердился:

— Позвольте спросить, знаете ли вы, за что этот человек покалечил вашего сына? Ах да, верно, это можно назвать лишь мстью. Но знаете ли вы почему?

Вице-мэр Сюй на мгновение растерялся. Он знал лишь то, что, по словам его сына, всё это сотворил Чжан Шуай, и холодно бросил:

— Должно быть, этот подонок Чжан Шуай сцепился с моим сыном из-за невесты Сяохуа — Линь Сяоюй! Хм! Этот негодяй решил отомстить моему Сяоханю, прикрываясь семейным богатством!

Секретарь Ван лишь усмехнулся:

— А вам известно, что за день до того, как пострадал ваш сын, он сбил на машине какую-то девочку у ворот школы вашего младшего сына?

Вице-мэр Сюй опешил. Его сынок на спорткаре сбил столько народу, что все эти случаи просто заминались — разве мог он помнить жизни и смерти каких-то там ничтожных людишек! Секретарь Ван прекрасно знал нрав его сынка, и в его глазах на миг мелькнуло яростное выражение. Он непрестанно повторял про себя, что нельзя поддаваться сиюминутному порыву и прикончить этого ублюдка.

Сдерживая жгучую ненависть, секретарь Ван продолжил:

— Не буду больше тянуть время: вашего сына избил старший брат той сбитой девочки!

Вице-мэр Сюй долго переваривал услышанное, после чего выдал:

— А, благодарю секретаря Вана за подсказку! Я уж позабочусь о том, чтобы этот человек ответил по всей строгости закона!

На этот раз секретарь Ван действительно чуть не задымился от гнева. Он яростно хлопнул ладонью по столу и взревел:

— Ты, мать твою, хоть навел справки об этом человеке?! С какого перепугу ты решил с ним тягаться?!

Вице-мэр Сюй зловеще ухмыльнулся:

— Этому ничтожеству крышка! И всё же спасибо секретарю Вану за предоставленную информацию!

И это высокопоставленный государственный чиновник бросается словами вроде ничтожество! Да это же прямое оскорбление нашей страны!

Секретарь Ван резко вскочил на ноги и, дрожа от ярости, произнес:

— Ах ты, вице-мэр Сюй! Ты открыто попираешь законы! Хорошо! Хорошо! Отлично!

Не успел вице-мэр Сюй с издевательской усмешкой открыть рот для ответа, как дверь распахнулась, и в кабинет вошел старик, за которым следовали трое мужчин преклонного возраста.

Вице-мэр Сюй, уже собиравшийся обрушиться с гневом на того, кто посмел ворваться в его стратегически важный кабинет, при виде вошедших затрясся всем телом. Он немедленно выскочил из-за стола, отвесил низкий поклон одному из мужчин, следовавших за стариком, и залепетал:

— Дорогой тесть! Какими судьбами вас сюда занесло? Прошу, садитесь, садитесь, чайку попьем!

При этом он попытался подтянуть стул для покрасневшего от гнева тестя. Однако старик сам уселся на его прежнее место во главе стола.

А секретарь Ван тем временем поднялся и почтительно произнес:

— Здравствуйте, командующий!

Вице-мэр Сюй окончательно лишился дар речи. Вошедшим оказался не кто иной, как дедушка Ли!

Не дожидаясь лишних слов со стороны дедушки Ли, тесть вице-мэра Сюя с глухим стуком рухнул на колени и задрожал, не смея произнести ни звука. Хотя на дворе стояло мирное время и все люди были равны перед законом, он всё же опустился на колени.

Дедушка Ли тяжело вздохнул и сказал:

— В свое время ты совершил великие подвиги на благо страны, поэтому я тогда прикрыл тебя по личной инициативе. Завтра же отправляйся домой оформлять пенсию!

Лицо тестя вице-мэра Сюя при этих словах стало пепельно-серым, но он без малейших колебаний ответил:

— Слушаюсь!

С этими словами он поднялся и вышел.

Вице-мэр Сюй оцепенел. Взглянув на бледное лицо тестя, он тут же рухнул на колени вслед за ним.

Дедушка Ли посмотрел на дрожащего на полу вице-мэра Сюя, и из его некогда померкших глаз вдруг вырвался свирепый, убийственный блеск! Такой взгляд мог быть только у человека, прошедшего сквозь кровавую мясорубку сотен сражений. От этого взгляда вице-мэр Сюй затрясся так, словно в лихорадке.

Помолчав какое-то время, дедушка Ли бросил стоящему рядом мужчине средних лет всего одно слово:

— Убить!

Никаких лишних движений не последовало: в руке пожилого мужчины словно из ниоткуда появился нож, и он вонзил его прямо в шею вице-мэра Сюя.

Тот до самой смерти так и не понял, кому же он умудрился перейти дорогу. Отчаянно добивая уже испускающего дух вице-мэра, мужчина нанес ему еще несколько десятков ударов. Наконец этот человек со слезами рухнул на колени и зарыдал:

— Учитель! Я и не знал, что младший соученик и ваша внучка подверглись такому испытанию! Какой же я позор!

С этими словами он зашелся в горьких рыданиях.

Дедушка Ли поднялся на ноги, похлопал его по спине и произнес:

— Твой учитель просто не хотел обременять вас. Твой младший соученик вырос в детском доме и в одиночку вырастил твою внучку, им выпало слишком много тягот. Сейчас на их плечах лежит тяжелая ноша, подумай, когда тебе лучше с ними повидаться.

Мужчина горько рыдал, захлебываясь слезами, и, с трудом сдерживая спазмы в горле, выдавил:

— Да у меня нет лица, чтобы смотреть им в глаза! Я же просто скотина! Учитель ушел, а я даже не ведал об этом — как мне теперь смотреть в глаза его сиротам?!

Дедушка Ли посмотрел на этого сурового мужчину, некогда совершившего немало ратных подвигов, а теперь рыдающего навзрыд, и вздохнул:

— Что ж, тогда просто позаботишься об этом ребенке в будущем, и на душе твоего учителя станет спокойнее. К тому же твоего младшего соученика зовут Чжоу И, я уже узнал у него, где покоится прах твоего учителя — на кладбище в пригороде города С. Выбери время и наведись туда. И еще: казнь этого негодяя — моя личная прихоть, будем считать, что я воспользовался своими полномочиями. Секретарь Ван, прошу прощения, что доставил вам столько хлопот!

Секретарь Ван, стоявший до этого в стороне, немедленно опустился на колени и произнес:

— Большое спасибо командующему Ли за то, что очистили народ от этой скверны! От лица всех людей я низко кланяюсь вам!

Дедушка Ли мягко улыбнулся: в стране всё еще оставались достойные чиновники, и именно они являлись истинным примером служения народу.

Мужчина, услышав, что его учитель похоронен на окраине города, почувствовал еще большую боль в сердце. Попрощавшись с дедушкой Ли, он покинул кабинет.

На следующий день газетные заголовки пестрели новостями: вице-мэр Сюй уличен в коррупции и взяточничестве, притеснении простого народа; после разоблачения покончил жизнь самоубийством, испугавшись возмездия! Другие издания кричали о другом: при обыске в доме вице-мэра обнаружены незаконные накопления на десятки миллионов юаней!

Хотели было слухи о том, что Сюй Хань нанял адвоката для защиты, но этот самый адвокат во время ночного судебного заседания, произнес пару защитных фраз в пользу Сюй Ханя, принялся самозабвенно лупить себя по щекам и сквозь слезы причитать:

— Ваша честь, мой подзащитный полностью заслужил кару! Я не в силах его защищать!

Беднягу Сюй Ханя приговорили к смертной казни за доказанные обвинения в преднамеренном изнасиловании, убийстве и распространении наркотиков, причем на суде фигурировало более тридцати истцов одновременно. Его младшему брату, разумеется, пришлось несладко — тот отправился в исправительную колонию для несовершеннолетних, став, пожалуй, самым юным малолетним преступником в истории Китая. А их мамаша была поглощена судебными тяжбами с десятком любовниц за оставшиеся жалкие крохи наследства.

Юэ Вэй и остальные, слушая разговоры прохожих на улицах об этом долгожданном и справедливом событии, тоже радовались от всего сердца. Похоже, крупные неприятности наконец остались позади, и теперь они могли спокойно подумать о том, чтобы распечатать шелковые мешочки. Разумеется, на душе оставался тяжелый осадок из-за Ли Янь, но и этому вопросу вскоре предстояло разрешиться.

Чжан Шуай стоял под окнами дома своей бывшей возлюбленной Линь Сяоюй, озаряя всё вокруг по-детски счастливой улыбкой. В глубине души он надеялся, что теперь Линь Сяоюй станет чуточку счастливее. И, может быть, близким больше не придется из-за него переживать!

Просунув письмо в щель входной двери квартиры Сяоюй, Чжан Шуай круто развернулся и ушел. Мужчина за всю свою жизнь по-настоящему полюбит лишь одну женщину: пусть он и говорит слова любви многим, на самом дне его сердца навечно останется заперта та единственная, что оставила неизгладимый след в его душе.

Купив пакетик маринованных овощей неподалеку от дома Сяоюй, Чжан Шуай легкой и уверенной походкой зашагал прочь, заставляя сердца проходящих мимо девушек биться намного чаще.

Настроение у Линь Сяоюй было прекрасным: наконец-то она избавилась от этого ублюдка-жениха, да и с сегодняшнего дня можно было подыскать себе нормальную работу. И, конечно же, больше всего радовало то, что ее больше не принуждали посещать те мерзкие места, от одного вида которых ее выворачивало наизнанку.

Счастливая и беззаботная, она поднималась к себе домой, как вдруг заметила идущего навстречу Чжан Шуая. Замешкавшись на мгновение, девушка шмыгнула в ближайший угол. С тех пор как она обручилась с Сюй Ханем, она вдруг осознала, что Чжан Шуай на самом деле вовсе не такой уж плохой человек.

Она увидела, как Чжан Шуай зашел в телефонную будку и позвонил домой. До ушей Линь Сяоюй донеслись его слова:

— Брат, всё улажено, можете не беспокоиться. Я уйду с друзьями по одному делу, пожалуйста, поверьте мне. У меня есть причины, о которых нельзя говорить, скажу лишь одно: я не делаю ничего дурного во вред стране. Передай маме, пусть перестанет волноваться. И

последнее: я умоляю вас, единственная женщина, которую я любил в этой жизни — это Сяюй, папа, пожалуйста, больше не притесняйте их. Я перед ней виноват. И еще передайте отцу: с сегодняшнего дня я меняю имя на Чжан Шуай и отказываюсь от любых прав на наследство. Я хочу идти своей дорогой!

С этими словами он бросил трубку, не дожидаясь ответа собеседника на том конце провода, вытащил магнитную карту и швырнул ее на землю. Выудив из пакета маринованные овощи, он закинул в рот пару кусочков и с беззаботным свистом зашагал прочь, оставив позади лишь стоявшую в углу девушку, которая нервно теребила край своего платья.

С тяжелым сердцем вернувшись домой и открыв дверь, Линь Сяюй увидела на полу конверт. В недоумении подняв его, она вскрыла послание. Внутри было написано:

Сяюй, прости. Надеюсь, с сегодняшнего дня ты начнешь радоваться жизни. Я люблю тебя — искренне. Но не бойся, я исчезну из твоей жизни, клянусь, я сдержу слово. И я искренне желаю тебе найти своего истинного избранника.

Дочитав строки до конца, Линь Сяюй позволила двум слезинкам скатиться по щекам. Исчезнуть из поля зрения легко, но разве можно так просто выкинуть человека из сердца? Сама того не заметив, этот легкомысленный парень давно и прочно поселился в ее душе.

Вернувшись в убежище к остальным, Чжан Шуай застал Юэ Вэя и Чжоу И, державших в руках три шелковых мешочка и не решавшихся сделать выбор. Прождав довольно долго и видя, что ни Чжан Шуай, ни Чжоу И не спешат действовать, Юэ Вэй с тяжелым вздохом вытянул один из мешочков, развязал его и достал слегка пожелтевший лист пергамента.

Тут же Чжоу И и Чжан Шуай бросились к нему. В нынешние времена мало кто пользовался подобной бумагой. Развернув скрученную записку, они втроем впились глазами в начертанные на ней строки. Почерк был необычайно изящным и летящим.

Там было написано:

Велик мир под небесами, чего в нем только нет! Лишь пройдя через тяжелейшие испытания, можно достичь великого дела. Упомянутые мной египетские пирамиды — верх сего творения: хотя они и позволяют быстро обрести любые вершины, заклиная вас не ступать туда без крайней на то нужды! Ныне же существуют три священных места, где можно сделать первый шаг к познанию. Первое место: Великая стена, что тянется на восемьсот ли на восток, — божественные артефакты сами выбирают себе хозяев.

Прочитав эти строки, троица переглянулась. Выходит, их первой точкой отправления на пути к силе станет сама Великая стена и сокрытый в ней «божественный артефакт».

В этот момент у дверей раздался гулкий голос:

— Юэ Вэй, Чжоу И и Чжан Шуай здесь? Прошу вас нанести визит в дом почтенного старика Ли!

Отворив дверь, они увидели вежливого мужчину. Юэ Вэй приветливо улыбнулся ему и вместе с остальными сел в автомобиль, направлявшийся к дому дедушки Ли.

Сидя на заднем сиденье, Юэ Вэй о чем-то глубоко задумался. Заметив его отрешенное лицо, Чжан Шуай тяжело вздохнул: похоже, этот парень уже принял какое-то свое решение. Оставалось лишь надеяться, что в будущем он не станет жалеть об этом так сильно, как он сам сейчас.

Машина остановилась у того же жилого комплекса. Заметив в окне Ли Янь, которая лишь наполовину выглядывала наружу, пытаясь украдкой разглядеть их, Юэ Вэй помедлил секунду, а затем уверенно шагнул вперед.

<http://bllate.org/book/21119/2142827>